

Е.В. Градковская
Уральский федеральный университет

ПРИДВОРНАЯ КУЛЬТУРА ЯПОНИИ ЭПОХИ ХЭЙАН (794–1185) ПО ЛИТЕРАТУРЕ ЖАНРА НИККИ

Эпоха Хэйан занимает важное место в истории Японии и считается периодом формирования и становления национальных литературных жанров. Одним из ведущих стал жанр никки (яп. 日記 – дневник).

Основная группа авторов в этот период входила в довольно узкий придворный круг, что является редким явлением в истории мировой культуры. И, как пишет В.Н. Горегляд, «этот показатель характеризует отличие творений раннесредневековых писателей и поэтов от творений древних по двум параметрам. Во-первых, практически сошли на нет записи народного творчества, во-вторых, в хэйанскую эпоху стало формироваться некое подобие литературного сословия, творчество представителей которого можно определить как литературу чиновников», которая была ориентирована на китайскую ученость и свободное владение камбуном (яп. 漢文 – «китайское письмо») [1, с. 200].

Также важен тот факт, что в этот период, с изобретением слоговой азбуки, в литературе происходит поворот к личностной тематике. Этим объясняется наше обращение к жанру никки для выявления особенностей, характерных именно для придворной культуры: в отличие от официальных биографий мужчин-аристократов, в которых приводились лишь личные данные об их рождении, чиновничьей карьере, семье, детях и смерти, женские дневники со своими переживаниями передавали важные аспекты той культуры, частью которой они являлись. Уход дневниковой прозы в частную жизнь означал определенное падение интереса к социальным аспектам бытия. Авторы дневников писали, доверяясь лишь собственному опыту, не говоря о том, чего не видели, не слышали сами: «Мысли текли как во сне – куда-то далеко-далеко, и я перестала замечать, что происходит вокруг» [2, с. 96]. Шедеврами литературы данного жанра являются произведения придворных дам Мурасаки Сикибу («Дневник»), Сэй Сёнагон («Записки у изголовья») и Дочери Сугавара-но Такасуэ («Одинокая луна в Сарасина»). На примере этих произведений можно выделить широкий круг культурных аспектов периода Хэйан, которые впоследствии сформировали уникальную японскую национальную культуру.

«Дневник» Мурасаки представляет собой результат её пребывания при дворе государыни Сёси, где она и предавалась сочинительству. Начинается он описанием дворца Цумикадо – главного имения рода Фудзивара. Государыня Сёси прибыла сюда, чтобы подготовиться к своим первым родам. В целом «Дневник» охватывает период с 1008 по 1010 год. Он интересен нам

своими многочисленными упоминаниями о различных аспектах культуры при дворе и занятиях аристократов.

Особенно примечательны в «Дневнике» Мурасаки упоминания о занятиях музыкой того времени («...во дворец начали собираться и высшие придворные, и люди рангом пониже – все те, чье присутствие почиталось необходимым. Ночами они располагались на мосту или же на веранде в восточном крыле, беспорядочно музицируя до рассвета») и музыкальных инструментов («Молодые придворные, не слишком искусные в игре на кото и флейте, соревновались в умениях возглашать сутры или же распевали новые песенки, что вполне соответствовало обстоятельствам»). Кото – японский щипковый инструмент, как известно, был завезён в Японию из Китая в начале периода Нара (710–793 гг. н.э.) в качестве инструмента для дворцового оркестра и использовался в музыке гагаку. Частые упоминания в дневниковых произведениях подтверждают, что расцвета своего кото достигает именно в эпоху Хэйан как неизменный атрибут аристократического образования и времяпрепровождения.

Со всеми пиршествами при дворе бок о бок, конечно, шли песни: «Приспело время и для песен. Песню нужно было возгласить, когда тебе подносят чарку с сакэ, и мы шевелили губами, думая, как бы сказать поудачнее. Я сложила так:

Пусть эта чарка,
Что передает друг другу,
Под полною луной,
Искрится дивным светом
И счастье принесет навек» [2, с. 49].

Относительно этих песен, стоит обратить внимание на то, что важен был не сам факт сложения песни, а все же ее лаконичность, уместность и поэтическое мастерство. Такой вывод можно сделать, если учесть частое акцентирование внимания на подобных вещах: «И песня тоже вышла не слишком удачной» [2, с. 59]. Или: «Таданобу принес чарки. Он превосходно спел «Гора Минояма», хотя обстоятельства не требовали от него особого тщания» [2, с. 76].

Ведя при дворе достаточно размеренную жизнь, аристократы развлекали себя цукими, юкими, ханами (Яп. – 月見、雪見、花見), что в переводе означает «любование луной», «любование снегом» и «любование цветами»: «На следующий вечер луна была очень красива, погода – восхитительна, и дамы помоложе решили развлечься катанием на лодке» [2, с. 51]. Из развлечений мы встречаем также прямое указание на заимствованную из Древнего Китая логическую настольную игру, считающуюся разновидностью шашек. В последнюю Декаду Седьмой Луны, повествует нам Мурасаки, «управитель земли Харима устроил пир – за проигрыш в го» [2, с. 23]. Данная игра была популярна у аристократии в Японии еще с VII века.

В «Дневнике Сарасина» описаны события жизни автора за 38 лет, с 1020 по 1058 г. И мы можем точно сказать, что Сугавара-но Такасуэ написала

дневник будучи в преклонном возрасте: «Дневник благородной госпожи, дочери Сугавара-но Такасуэ, написавшей его на склоне лет, когда даже луна в Сарасина кажется одинокой...» [3, с. 486]. Как минимум часть дневника посвящена службе при дворе. Х.Ш. Гафурова сообщает на этот счет, что Дочь Такасуэ вела так называемую литературную тетрадь или личные записки [4], в которой отмечала все важные для неё события своей жизни.

Особенной чертой «Сарасина никки» является то, что стихотворения составляют около 10% текста. Причем насыщенность ими не одинакова: большая их часть приходится на период после первого приезда в Киото и годы службы в свите Юси. Однако, в отличие от других известных нам писательниц периода Хэйан, дочь Такасуэ на закате своих дней с оглядкой на былые дни сожалеет о некоторых поступках, таких, например, как сочинительство: «Если бы с ранних лет я не влеклась бы душою лишь к бесполезным сочинениям и стихам, если бы с утра до вечера помнила о молитве, совершала обряды, возможно, мне не пришлось бы увидеть эти сны тщеты земной. Во время моего бдения в храме Хасе было мне сказано: «Веточка сути из храма Инари», – эту веточку дали мне не зря. Надо было тут же, не откладывая, совершить паломничество в Инари – тогда, может быть, все сложилось бы иначе!» [4, с. 581]. Это может говорить о том, что такое занятие, как стихосложение, повсеместное в придворной среде в эпоху Хэйан, по мнению Сугавара-но Такасуэ было чрезмерным. Также можно предположить, что этот факт осознавала не одна лишь писательница.

Одним самых замечательных творений японской классической литературы, созданных в эпоху Хэйан, являются «Записки у изголовья». Сэй Сёнагон, автор «Записок», предпочла придворную карьеру замужеству, но при дворе она не совсем «своя», знатные дамы не доверяли ей, считали выскочкой и при случае старались унижить и оскорбить. Именно некоторое отчуждение, зоркий взгляд со стороны и помогли ей лучше видеть комедию двора.

Книга «Записки у изголовья» очень многогранна: бытовые сцены, анекдоты, стихи, картины природы, описания придворных торжеств, поэтические раздумья, зарисовки обычаев и нравов, «ума и сердца горестные заметы». Это чередование высокого и низкого создает ощущение полноты жизни и достоверности изображения. К тому же сама поэтесса в послесловии подчеркивает, что эти записи не были предназначены для чужих глаз: «Эту книгу замет обо всем, что прошло перед моими глазами и волновало моё сердце, я написала в тишине и уединении своего дома, где, как я думала, никто её никогда не увидит. Кое-что в ней сказано уж слишком откровенно и может, к сожалению, причинить обиду людям... Только и могу сказать: жаль, что книга моя увидела свет» [5, с. 301].

В самом начале своих записок поэтесса описывает новогодние празднества: «Все люди до одного в праздничных одеждах, торжественно, с просветленным сердцем, поздравляют своего государя, желают счастья друг другу. Великолепное зрелище!

...В этот день знатные дамы столицы приезжают во дворец в нарядно украшенных экипажах поглядеть на шествие «Белых коней». Вот один из экипажей вкатили через Срединные ворота. Повозку выбросило на пороге. Женщины стучаются головами. Гребни из волос падают, ломаются... Слышен веселый смех.

...На восьмой день Нового года царит большое оживление. Слышен громкий стук экипажей: дамы торопятся выразить свою благодарность государю» [5, с. 6]. Стоит прокомментировать, что, согласно старинным поверьям, конь обладает защитной магической силой. Перед императором проводили белых коней. Число их (трижды семь) тоже имело магическое значение. Телохранители эскорта, парадно одетые и вооруженные луком и стрелами, белили свои лица согласно придворному обычаю. А на восьмой день Нового года знатым дамам жаловались дары от государя, фрейлин возводили в более высокий ранг.

Следующий довольно интересный праздник, описываемый Сэй Сёнагон, приходился на 15 день Нового года, когда, по обычаю, государю преподносят «Яство полнолуния»: «В знатных домах все прислужницы – и старшие, почтенные дамы, и молодые, – пряча за спиной мешалку для праздничного яства, стараются хлюпнуть друг друга, посматривая через плечо, как бы самой не попало. Вид у них потешный! Вдруг хлоп! Кто-то не уберется, всеобщее веселье! Но ротозейка, понятное дело, досадует» [5, с. 7]. В Японии та самая мешалка имела магическое значение. Верили, что если ударить женщину этой мешалкой, то она непременно родит мальчика. Этот обряд восходит еще к фаллическому культу.

Очень часто в дневниках встречаются упоминания о торжественных праздниках при синтоистском храме Камо с двумя святилищами, расположенном к северу от столицы. И Сэй Сёнагон не обходит его стороной: «Парадные кафтаны знатнейших сановников, выших придворных различаются между собой лишь по оттенку пурпура, более тёмному или более светлomu. Нижние одежды у всех из белого шелка-сырца. Так и веет прохладой!

...Молодые девушки – участницы торжественного шествия – уже успели вымыть и причесать волосы, но еще не сбросили свои измятые, изношенные платья. У иных одежда в полном беспорядке. Они то и дело тревожно кричат «у сандалий не хватает завязок!», «Нужны новые подметки к башмакам!» – и хлопотливо бегают, вне себя от нетерпения: да скоро ли наступит долгожданный день?

Но вот всё готово! Непоседы, которые обычно ходят вприпрыжку, теперь выступают медленно и важно, словно бонза во главе торжественного шествия. Так преобразил девушек праздничный наряд!» [5, с. 10–11]. А под заголовком «То, что навеивает светлое настроение» поэтесса описывает главного исполнителя священных плясок микагура, танцора, который размахивает флажком во время священных плясок, и главного актера в труппе бродячих кукольников. Упоминаемые Сей Сёнагон микагура (яп. – 見神楽) – это

ритуальные песни, пляски и священные мистерии, исполнявшиеся именно в синтоистских храмах.

В «Записках» также можно найти упоминания о назначениях на должность, которые сопровождаются определенными ритуалами, как, например, пишет автор: «Я люблю глядеть, как чиновники, вновь назначенные на должность, выражают свою радостную благодарность. Распустив по полу длинные шлейфы, с таблицами в руках, они почтительно стоят перед императором. Потом с большим усердием исполняют церемониальный танец и отбивают поклоны» [5, с. 16–17].

Повествуя о концерте в покоях государыни, Сей Сёнагон перечисляет инструменты старинной музыки гагаку: лютня-бива, цитра-со, флейта и многостольная флейта. Музыка эта, исполнявшаяся при дворе, представляла собой сплав корейской, китайской и индийской музыки с японскими напевами, в ансамбле которого участвовали певцы, хор и танцоры. «Юные танцоры Оми тоже пленяют утонченной прелестью» [5, с. 102]. Стоит отметить, что юные исполнители священных плясок во время синтоистских празднеств носили белые одежды Оми, украшенные синим рисунком, и красные ленты на правом плече. Девушки же привязывали широкие ленты к поясу.

В целом изучение культурного рельефа столицы Страны Восходящего Солнца сквозь призму литературных памятников жанра никки позволяет сделать некоторые выводы. Самыми любимыми занятиями у представителей аристократии являлись музицирование, поэзия. Во дворце и в домах вельмож часто устраивались поэтические турниры, проводились различные игры, состязания. Многие игры в это время были заимствованы из Китая и требовали знания классической японской поэзии.

В жизни двора большое место также занимали устраиваемые по разным поводам церемонии и празднества. К ним готовились задолго и тщательно: шили праздничные одежды, подбирали свиту, украшали кареты. Особенно почетным считалось непосредственное участие в церемонии – в роли распорядителя, исполнителя ритуальных танцев или музыканта. Этой чести удостоивались лишь избранные. Помимо обычных годовых праздников пышными церемониями отмечались также отдельные события в жизни двора – посещение дома экс-императора или регента, возвращение императрицы во дворец из родительского дома, выезд на соколиную охоту и многое другое.

Помимо участия в общих для всех праздниках и церемониях хэйанцу предписывалось соблюдать обряды, связанные с этапами его собственной жизни, наиболее значительные из которых также выливались в пышные празднества с многочисленными гостями, музыкой, состязаниями поэтов и многим другим. Посещения храмов, коих было немало в окрестностях столицы, также превращались в роскошные церемонии, а по разным поводам устраиваемые молебствия выливались в великолепные празднества с приглашенными лучшими танцорами и музыкантами. Такое внимание к внешней стороне ритуалов еще более способствовало развитию всех областей искусства.

Именно в период Хэйан зарождаются основные жанры литературы, основополагающие стили музыки, театра, живописи, танца. Переплетаясь с традиционными японскими обрядами, обычаями и празднествами, и, конечно, не без влияния соседских стран – Китая, Кореи или Индии, содействовавшими скорейшему процессу усвоения «заморской культуры», в Японии формируется ни с чем не сравнимая национальная культура, сохранившая свою уникальность и по сей день.

Культура хэйанской эпохи – явление сложное и своеобразное. В ней соединились элементы, восходящие к глубокой древности, когда искусство было еще общенародным, с утонченной эстетикой, необычайным культом красоты. Любование красотой во всех её возможных гранях становится мироощущением образованных людей господствующего класса и во многом формирует стиль искусства. Быстро достигнув расцвета, прекрасная, но слишком хрупкая культура хэйанской эпохи уже в XI веке проявляет некоторые опасные симптомы упадка, поскольку изначально была уделом лишь немногих. И именно поэтому с крушением хэйанской аристократии культура эта частично погибает или вынуждена трансформироваться.

-
1. Горегляд В.Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. СПб., 2006.
 2. Мурасаки Сикибу. Дневник. СПб., 2000.
 3. Горегляд В.Н. Японские средневековые дневники. СПб., 2001.
 4. Гафурова Х.Ш. Дневник Дочери Такасуэ «Сарасина никки» в контексте дневниковой литературы Японии // Молодой ученый. №2. 2015. С. 580-582.
 5. Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. СПб., 2006.

Д.Г. Кочеров

Курский государственный университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КЛАССИКОВ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVII–XVIII вв. О «НЕОБЫЧАЙНОМ» (НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУ СУНЛИНЯ, ЮАНЬ МЭЯ И ЦЗИ ЮНЯ)

Рубеж XVII–XVIII вв. для Китайской империи – весьма сложное и противоречивое время, так как происходил переход управления страной к представителям иностранной маньчжурской династии Цин, которые определяли судьбы китайского народа с 1644 по 1911 г. Многие реальные события китайской истории того времени нашли отражение в литературе. Авторы, к произведениям которых мы обращаемся, представляют собой особую группу литераторов за счет своей невероятной популярности среди современников, а самое главное – из-за того, что основным жанром их произведений была новелла.